

На подкашивающихся ногах пришёл Балин к королеве, так боялся он её отказа. Но королева только посмеялась и разрешила. Целую неделю потом Балин ходил по замку с тяжёлым щитом в руке, на котором красовался герб королевы, и глядел на всех свысока. Но тут ему встретился раб, которого он когда-то искалечил. И вновь Балину померещилась насмешка в его взгляде. В гневе рыцарь замахнулся на раба, однако вспомнил он, чей герб носит на щите, и опустил руку.

С этого дня приступы ненависти всё чаще стали овладевать Балином. Как-то раз сидел он в беседке королевского сада, размышляя о том, почему герб не слишком-то приблизил его к королеве, и вдруг увидел: идёт по аллее роз Ланселот, а навстречу ему — Гиньевра. Остановились они, поговорили, а после, взявшись, как дети, за руки, прошли мимо беседки в глубь сада. И столько страсти было в их устремлённых друг на друга взглядах, что Балин даже опешил, а потом словно безумие охватило его. Выбежав из беседки, он схватил щит и копье, вскочил на коня и помчался прочь из Камелота, не спросив на то соизволения короля.

Вскоре Балин оказался в лесу, и встретился ему дровосек, которому никак не удавалось перерубить толстенный сук.

— А ну, деревня, пусти! — рявкнул Балин и, подхватив топор, перерубил сук одним ударом.

С восхищением поглядел на него дровосек:

— Вам по силам справиться с демоном, что обитает в этой чаще.

— С ним-то справиться не трудно, — горько усмехнулся Балин. — Вот как бы совладать с демоном в себе...

Сказав так, он поскакал в задумчивости дальше. Петляющая между деревьями тропа вывела его к пещере в скале. Но Балин пещеру не заметил, как не заметил и того, что из чёрной её пасти вслед ему выехал чёрный всадник на чёрном коне. Лишь тогда понял Балин, что его кто-то догоняет, когда позади него зачавкал мох, и тень копья, вдруг выйдя из-за спины, побежала по земле. Рванувшись в сторону, Балин боковым зрением углядел копье, едва его не пронзившее, и чёрного демона, который пролетел точно вихрь по тропе и пропал вдали.

Вне себя от ярости Балин помчался за ним вслед и не останавливался до тех пор, пока перед ним не вырос в глухом бору старинный замок

короля Пеллама. Низкие его строения покрывал бородатый лишайник. Превратившаяся в руины башня заросла мхом. А мощные зубчатые стены спрятались за зелёным водопадом плюща. В общем, замок казался призрачным жилищем сов и летучих мышей.

Тут из замка появилась челядь короля Пеллама и наперебой стала спрашивать у Балина, почему его щит украшен короной королевы.

— Потому что сама королева дозволила мне её носить! — ответил рыцарь.

Затем Балин оставил коня в конюшне и вошёл в замок. Там в тёмном зале встретили его гробовым молчанием король Пеллам и его племянник Гарлон. Что-то в облике племянника показалось Балину знакомым. Но он не мог сообразить что...

Меж тем Пеллам и Гарлон сели ужинать, но гостя пригласить к столу забыли. Какое-то время под высокими сводами раздавались только чавканье да хруст разгрызаемых костей. Наконец насытившись, Пеллам спросил то же, что и его слуги:

— Откройте нам, почему ваш герб — королевская корона?

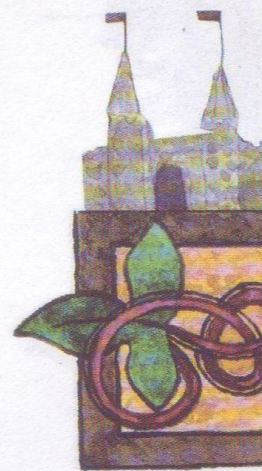
— Потому что мне позволила её носить самая святая и прекрасная женщина на свете — наша королева! — вновь ответил Балин.

Гарлон криво улыбнулся и проговорил:

— Самая прекрасная? Согласен. Но самая святая? Как вы наивны, хоть и жили при дворе короля Артура!

От вспыхнувшей в его душе ярости Балин готов был броситься на Гарлона, но опять, как, к счастью, уже бывало, память о гербе королевы не позволила ему этого сделать.

«Мне предоставили ночлег, и я должен оставаться учтивым», — подумал он, до боли прикусив губу. Однако потом всю ночь, не давая уснуть, звучали в его ушах насмешливые слова Гарлона. И под утро вдруг как будто пелена спала с его глаз. Балин понял, что Гарлон и есть тот самый демон, за которым он гнался сквозь лесные дебри. Тогда он поднялся и вышел во двор замка, где неожиданно встретил столь ненавистного ему Гарлона. И когда Гарлон бросил ему с издёвкой: «Что, вы всё ещё влюблены в самую святую из святых?» — Балин потемнел лицом и закричал не своим голосом: «Теперь я вас и вправду превращу

в духа!», а затем, вырвав меч из ножен, со всего размаху ударил Гарлона по шлему. Гарлон откинулся назад и пал как подкошенный. Притянув его за выпел шлема, Балин ударил ещё раз, да так сильно, что меч разлетелся на куски.

Тут из замка слышались голоса, и люди с копьями наперевес пошли стеной на Балина. Балин стукнул ближайшего кулаком в челюсть, нырнул в какой-то проход и, как на крыльях, полетел по тёмной и узкой галерее. Вскоре галерея свернула к часовне короля Пеллама. Балин вбежал в неё и едва захлопнул двери, как услышал топот множества проносящихся мимо часовни ног. Облегчённо вздохнув, Балин обвёл глазами склеп и тут же заметил золотой алтарь, а перед ним копьё невероятной длины, на острие которого алела капля крови. Воспользовавшись копьём как шестом, Балин выпрыгнул в окно часовни и, когда приземлился, припал ухом к стене, чтобы узнать, где находятся его преследователи. Подхватив копьё, он побежал в обратную сторону, вскоре добрался до конюшни, вскочил на своего верного коня и во всю прыть помчался прочь из замка.

Почти тотчас же вокруг него зазвенели стрелы, и где-то позади раздался голос короля Пеллама:

— Держите его! Он осквернил и похитил божественную святыню!

Но Балин был уже далеко. По полям и лесам он гнал коня, пока тот, уставший от безумной скачки, не споткнулся о какую-то корягу и не рухнул наземь. К счастью, Балин остался жив. Поднявшись на ноги и убедившись, что конь не охромел, рыцарь снял с шеи щит, повесил его высоко на сук и воскликнул:

— Я опозорил свой щит, убив безоружного, поэтому больше никогда его не надену!

Затем он улёгся тут же, под тенистым дубом, и мгновенно заснул.

В это время ехала по лесу некая девица по имени Вивьен в сопровождении юного оруженосца. Ехала она из замка короля Марка в Камелот. Король Марк, ненавидящий Артура и его Круглый стол, наказал ей втереться к Артуру в доверие, а после, изнутри, подтачивать, как червь дерево, его престол. Вивьен давно уже должна была прибыть в Камелот, но заблудилась. Увидев на дереве щит с королевским

гербом и спящего под дубом рыцаря, она обрадовалась: «Наверно, это принц из замка короля!» и тут же, разбудив Балина, сказала:

— Я сбежала из замка короля Марка, ибо король Марк преследовал меня, и хочу просить защиты у короля Артура. Помогите мне добраться до Камелота и представьте королю.

— Мне туда дороги нет, — ответил, поднявшись, Балин. — Я опозорил дарованный мне герб, а значит, и нашу святую королеву.

И тут вдруг дева рассмеялась, а затем — так же неожиданно — вздохнула, что вновь вызвало у Балина приступ гнева.

— Зачем вы позволили себе смеяться надо мною? — воскликнул он. Дева вновь вздохнула:

— Господин! Простите меня. Но мы, девицы, часто смеёмся, когда нужно плакать. Я нарушила ваш отдых, за что себя корю. И всё же выслушайте меня. Однажды в Камелоте, на берегу Уска — уж год минул с той поры, — я увидела их: нашу безгрешную королеву и её верного рыцаря. Он, преклонив пред ней колени, что-то говорил с пылающим взором. Она же сначала гладила его чёрные как смоль волосы, а затем подняла его и поцеловала в губы. Сей отрок может подтвердить. Всё, что я говорю, правда.

Она вдохновенно лгала. Мальчик-оруженосец даже покраснел от стыда, но, зная тяжёлый нрав девицы, не произнёс ни слова. А Балин вдруг ощутил ужас, ибо вспомнил, как шли мимо беседки в Камелоте, держась за руки, Ланселот и Гиньевра, и печально прошептал:

— Это правда!

Девица ещё что-то говорила, над чем-то смеялась, кого-то поносила, но Балин её уже не слушал. Одна мысль сверлила его, усиливая ненависть: никогда ему не занять в сердце Гиньевры места Ланселота, никогда не стать желанным. В него словно вселился злой дух. Заскрежетав зубами и дико закричав, Балин подпрыгнул, сбил с дерева щит и принялся его топтать. Вскоре королевская корона, поддетая острой шпорой, слетела со щита.

А Балин всё никак не унимался. Он продолжал бить и корёжить ни в чём не повинный щит, и осыпал бранными словами Ланселота, Гиньевру и даже самого непорочного короля Артура.

И эти его яростные крики, которые не походили ни на крик птицы, ни на звериный рык, услышал Балан. Он как раз ехал неподалёку, опустив голову и уже не надеясь совершить подвиг.

«Похоже, это голос демона из лесной пещеры, — подумал он. — Уж теперь-то я с ним разделаюсь!»

Вид рыцаря, разбивающего королевскую корону, лишь добавил ему уверенности, что перед ним злой дух.

— Ты мне за всё заплатишь! — воскликнул он и, вырвав из рук оруженосца щит без герба, пустил коня вскачь.

Балин выехал ему навстречу с копьём наперевес. И священное копье короля Пеллама, что, считалось, было красным от безгрешной крови Христа, вскоре заалело от грешной крови молодого рыцаря. Ибо остриё, пробив щит без герба, а затем кольчугу, вошло в грудь Балана. Но и сэр Балин тоже погиб: его и без того уставший конь от страшного удара рухнул наземь и раздавил хозяина.

— Что за дураки! — повернувшись к оруженосцу, презрительно сказала девица. — Думаю, это их последнее приключение. Ну-ка, мой птенчик, сними с рыцарей шлемы. Я хочу увидеть их лица. — И добавила, когда оруженосец выполнил её приказ: — Красивы! Им бы жить да жить! А вот погибли точно два безмозглых быка в бою за тёлку.

Пришпорив коня, с криком: «Пусть пожрут их волки!» стрелой рванулась она прочь, и оруженосец, еле поспевая, поскакал за ней следом.

